

Въ своемъ разсказѣ онъ дѣлаетъ кое-гдѣ и анекдотическіе намеки на извѣстныя лица, но это не увеличиваетъ яркости изображенія. Вспоминается невольно блестящая картина, въ которой немного времени спустя нарисовалъ Москву послѣ-пожарную Грибоѣдовъ; вспоминаются старомодныя, но несомнѣнно рисующія русскую жизнь изображенія Радищева. Не говоримъ о томъ, какая блестящая картина этой самой до-пожарной Москвы дана была въ знаменитомъ произведеніи современнаго намъ писателя. Не говоримъ о различіи степени таланта, но очевидно была глубокая разница въ самомъ тонѣ мысли у нашего писателя и у автора „Горя отъ ума“; наконецъ, подобныя черты несравненно ярче рисовались въ произведеніяхъ ближайшаго современника, какъ Пушкинъ. Какъ мы видѣли, основная черта картины Москвы была довольно понятна и Батюшкову, но въ мысляхъ того поколѣнія и того круга еще не доставало сознательнаго отношенія къ окружавшей его дѣйствительности: его останавливаютъ только внѣшнія черты видѣнной картины.

Въ самомъ дѣлѣ, таковъ былъ не одинъ Батюшковъ: съ нимъ сходенъ былъ весь „Арзамасъ“, къ которому онъ принадлежалъ. Какъ извѣстно, „Арзамасъ“ совмѣщалъ въ себѣ, такъ сказать, сливки тогдашняго литературнаго круга. Со словъ современниковъ, сохранявшихъ о немъ дружественныя воспоминанія, было довольно распространено мнѣніе о большомъ и благотворномъ вліяніи его на успѣхи литературы. Новѣйшій біографъ Батюшкова сомнѣвается въ этомъ. Онъ говоритъ: „Арзамасъ пользуется почетною извѣстностью въ преданіяхъ нашего общества и литературы; было даже высказано мнѣніе, что подъ его вліяніемъ писались въ то время стихи лучшихъ нашихъ поэтовъ, что его вліяніе отразилось, можетъ быть, на иныхъ страницахъ „Исторіи“ Карамзина. Но чѣмъ болѣе накопляется свѣдѣній объ этомъ пріятельскомъ литературномъ кружкѣ, тѣмъ очевиднѣе выясняется слабое дѣйствіе его на умственное движеніе своего времени. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что члены Арзамаса, и въ особенности главные его дѣятели, были люди очень умные, очень даровитые, прекрасно образованные, съ развитымъ вкусомъ, съ искреннею любовью къ словесности и просвѣщенію, съ желаніемъ общей пользы; но случайное происхожденіе этого литературнаго братства и отсутствіе всякой опредѣленной цѣли при его основаніи, а затѣмъ еще болѣе случайное и безцѣльное расширеніе его состава были коренными причинами незначительной дѣятельности кружка и его скорого распаденія. Говорятъ, что направленіе Арзамаса было преимущественно критическое, что „лица,